

Pigeon reconnaissance and the fight against it on the western border of Russia on the eve and the beginning of the First World War

V. O. Zverev¹

¹Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komorova prospekt, Omsk 644074, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-332-339

Research article
Full text in Russian

Pigeon reconnaissance (including the possibility of using carrier pigeons to deliver intelligence reports) is considered as a new type of threat to the interests of the military (border) security of the Russian Empire on the eve and at the beginning of the First World War. The practice of combating a new military-criminal phenomenon is revealed. It is concluded that the counterintelligence and gendarmerie departments that served the Warsaw General Government paralyzed the “pigeon-spy communication channel” with their own efforts and eliminated the fastest and most reliable way to inform the enemy.

Keywords: carrier pigeons; gendarmes; intelligence; recruitment; Warsaw military district; First World war

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zverev, Vadim O. | E-mail: zverevoma@mail.ru
Doc. Sc. (History), Associate Professor

Голубиная разведка и борьба с ней на западной границе России в преддверии и начале Первой мировой войны

В. О. Зверев¹

¹Омская академия МВД России, пр. Комарова, 7, Омск, 644074, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-332-339
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается голубиная разведка (в том числе возможность использования почтовых голубей для доставки разведывательных донесений) как новый вид угрозы интересам военной (пограничной) безопасности Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны. Раскрывается практика борьбы с новым военно-криминальным явлением. Делается вывод, что контрразведка и жандармские управления, обслуживавшие Варшавское генерал-губернаторство, своими усилиями парализовали «голубино-шпионский канал связи» и ликвидировали самый быстрый и надежный способ осведомления противника.

Ключевые слова: почтовые голуби; жандармы; разведка; вербовка; Варшавский военный округ; Первая мировая война

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зверев, Вадим Олегович | E-mail: zvrevoma@mail.ru
Доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Русской истории германского и австрийского шпионажа начала XX в. известны различные виды сбора военных сведений: агентурная разведка, воздушная разведка, военно-промышленный шпионаж, дипломатическая разведка, о которых в отечественной историографии уже сказано немало. Между тем такая разновидность внешних угроз, как вражеская голубиная разведка или осведомление посредством почтовых голубей об обороноспособности Российской империи в губерниях (уездах) ее западноевропейского пограничья пока остается малоизученной специалистами. В монографической литературе можно встретить лишь редкие и эпизодические упоминания констатационного характера [1, с. 184]. В литературном наследии руководителей немецкой и австрийской разведывательных служб (В. Николаи, М. Ронге) рассматриваемого периода времени о голубиной раз-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ведке на Восточном фронте упоминаний нет вообще. Первый из мемуаристов очень подробно описывает специфику использования голубей на западном театре войны в интересах французской армии [2, с. 156]. М. Ронге, в свою очередь, лишь единожды свидетельствует об использовании почтовых голубей австрийской разведкой, но не в России, а против Сербии (до 1908 г.) [3, с. 16].

Выявленный пробел в научных знаниях о военно-политической истории Российской империи, имеющих важное значение с точки зрения обеспечения основ российской пограничной безопасности, нуждается в скорейшем восполнении. Именно поэтому внимательного и кропотливого исследователя ожидают архивные документы специальных служб – жандармская полиция и военная контрразведка – Виленского и Киевского военных округов, способные пролить свет на факты использования почтовых голубей как средства доставки оперативных донесений в стан противника и его голубиную разведку, а также практику борьбы с этими пограничными угрозами.

Мы же, в свою очередь, попытаемся раскрыть перечисленную проблематику, которая была характерна для межвоенной и военной истории Варшавского генерал-губернаторства или Варшавского военного округа (далее – ВВО). Для достижения названной цели обратимся к некоторым данным из монографической и мемуарной литературы и архивным документам. К таким первоисточникам знаний мы относим фрагментарную внутриведомственную переписку между жандармско-полицейскими структурами МВД России. Причем она была обнаружена и собрана нами «по крупицам» в единицах хранения Государственного архива Российской Федерации, имеющих к заявленной в этой статье теме лишь опосредованное отношение. Нам встретились и те материалы, содержание которых полностью было посвящено голубиной разведке. Речь, главным образом, идет об архивных материалах с аналогичными названиями: «Переписка, произведенная при Варшавском Губернском Жандармском управлении по делу _____».

Итак, в период времени после окончания вооруженного столкновения на Дальнем Востоке и до начала Первой мировой войны ВВО был, как выразился начальник варшавской разведки подполковник Н. С. Батюшин, «главнейшим округом» [4, с. 5]. Сосредоточенные в нем пехотные, артиллерийские, кавалерийские части, Ивангородская, Осовецкая, Новогеоргиевская крепости и другие укрепления, десятки штабов, а также гражданская инфраструктура стратегического назначения (железнодорожные и речные мосты, водонапорные башни и другие объекты жизнеобеспечения) находились в фокусе пристального внимания германского и австрийского генеральных штабов.

Вреализации разведывательных планов Германии и Австро-Венгрии русская западная граница являлась легко преодолимым препятствием – главы и сотрудники разведывательных ведомств, резиденты-вербовщики, эмиссары пересекали ее на законных основаниях или нелегальным путем (например, «контрабандистскими тропами»), в том числе под конспиративным прикрытием или вымышленным предлогом. Приезжая в ВВО, как правило, на железнодорожном транспорте, кадровые офицеры или чиновники союзных (германской и австрийской) разведок знакомились с местностью и ее населением (как это сделал в 1906 г. «новоиспеченный» начальник кенигсбергского раз-

ведотделения Вальтер Николаи) либо осуществляли вербовочную работу, получение разведанных от агентуры. И несмотря на то что будущий начальник III-Б отдела германского Генерального штаба и его австрийский коллега Максимилиан Ронге как мемуаристы всячески пытались замолчать, преуменьшить или вовсе девальвировать профессиональные успехи своих подчиненных в довоенной России, они были очень существенными.

Результаты многолетней архивно-поисковой и научно-исследовательской деятельности позволяют утверждать, что немцам, осуществлявшим разведывательство с западной и северной стороны ВВО, а австрийцам – с его южной и, частично, юго-западной оконечности, за считанные предвоенные годы удалось создать разветвленную агентурную сеть. Как видно из материалов ряда уголовных дел, в ее число входили работавшие в пользу Германии и Австро-Венгрии 9 «шпионских гнезд» или 28 человек (лица, совершившие военные преступления в составе преступных групп и привлекавшиеся к уголовной ответственности в качестве подозреваемых), а также десятки других действовавших автономно агентов (латентный уровень преступности).

Добываемые вражескими разведками военные сведения о русской оборонной мощи в ВВО переправлялись через западную государственную границу России разными путями, как правило железнодорожным сообщением. Но был и другой абсолютно безопасный, более быстрый и надежный вариант.

С начала 1914 г. для решения своих профессионально-шпионских задач предатели Родины из числа местного варшавского населения имели возможность прибегать к так называемому почтово-голубиному потенциалу. Именно голубиная порода птицы, обладающая удивительной способностью ориентироваться в воздушном пространстве и преодолевать десятки верст при возвращении домой, была задействована в военно-шпионских комбинациях. Нам не удалось обнаружить среди архивных источников прямых доказательств транспортировки «воздушными почтальонами» письменных сообщений разведывательного содержания. Не встретились и упоминания о стрельбе по пролетающим российское пограничье голубям как одним из приемов превентивного противодействия потенциальным шпионским угрозам. Однако заметим, что на франко-германском участке Первой мировой войны, если верить мемуаристу В. Николаи, французы организовали голубиную разведку на систематической основе, а немецкие солдаты, в свою очередь, вели по ним небезуспешный ружейный огонь [2, с. 156–157]. А так как методы шпионажа у ведущих разведслужб были, как правило, идентичными, то «французский сценарий», с большой долей вероятности, мог быть апробирован немцами как на Восточном фронте, так и в европейской части предвоенной России.

Подтверждением такой версии являются архивные документы, указывающие на то, что российские правоохранительные органы имели представление о скрытой угрозе. Какие возможные меры по ее профилактике и предупреждению в межвоенный период (первое полугодие 1914 г.) и с началом Первой мировой войны предпринимались?

В ВВО органы жандармской полиции вели активную работу по выявлению и административному наказанию держателей почтовых голубей. Как следует из доклада начальника калишского губернского жандармского

управления от 25 апреля 1914 г., двумя месяцами раньше у жителей Кольского уезда (пограничная с Пруссией территория) Станислава Шимковского и Феликса Яниковского отобраны 7 почтовых голубей. Их незаконное содержание повлекло за собой административную ответственность [5, л. 10]. Согласно другому письму – от начальника жандармского управления Лодзинского и Ласского уездов Петроковской губернии подполковника Леонтовича¹ на имя помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части от 28 апреля 1914 г. – в «разных частях г. Лодзи было обнаружено 23 голубя почтовой породы» [5, л. 7]. Причем изъятые птицы были идентифицированы как почтовые специально откомандированным для этого из Варшавы экспертом голубеводом – надзирателем варшавской голубиной станции. И только после его заключения на хозяев голубей было наложено взыскание за нарушение § 25 Обязательного постановления Варшавского генерал-губернатора от 7 сентября 1913 г. [5, л. 7].

В обстановке приближающегося вооруженного столкновения с западными соседями на аналогичные мероприятия были нацелены все политические органы ВВО. 19 мая 1914 г. помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части разослал циркуляр всем губернским жандармским управлениям Привислинского края, начальникам варшавского охранного отделения и жандармского полицейского управления железных дорог. В нем говорилось о приказе Варшавского генерал-губернатора «...зорко следить за всеми лицами, содержащими голубей..., немедленно конфисковать их, а виновных привлекать к ответственности» [5, л. 8].

Приведенные документальные сведения позволяют сделать вывод, что главное жандармско-полицейское начальство отдавало себе отчет о возможных тяжелейших последствиях для русских войск от использования противником голубиной почты в целях шпионажа. Для предупреждения неправомерных действий была организована масштабная профилактическая работа по выявлению голубей почтовой породы, а также обоснованному административному преследованию злоумышленников. Их рассматривали не только в качестве нарушителей текущего административного законодательства (незаконное содержание почтовых голубей). Жандармы видели в них потенциальных изменников Родины или агентов западноевропейских спецслужб, способных организовать эффективный канал передачи им своевременных военных сведений о передовых частях русской армии. Вероятно, аналогичной логикой руководствовался и противник. Косвенным подтверждением тому являлись имевшие место односторонние «слепые» попытки, к примеру, германской разведки завербовать владельцев голубятней на платной основе. Так, 3 июня 1914 г. Э. Э. Швабе доставил в 6-й участок лодзинской городской полиции прилетевшего в его голубятню чужого почтового голубя. На его крыльях виднелись оттиски германского одноглавого орла и надпись на немецком языке: «В. Куфусс в Штеглитце при Берлине, улица Хедрихсруер дом 8. Вознаграждение – обязательно (перевод на русский язык наш. – В. З.)» [5, л. 17].

Наряду со вспомогательным использованием голубиной почты в преступных намерениях, как следует из печатного органа штаба ВВО «Военное

¹ Во время Первой мировой войны подполковник С. Леонтович занимал одну из руководящих должностей в контрразведке Северного фронта.

дело за границей», в начале XX в. у германского и австрийского военных ведомств существовал самостоятельный вид осведомления о противнике – голубиная разведка. Ее суть сводилась к тому, что при помощи фотографической камеры, укрепленной на груди у голубя в особом алюминиевом панцире, запечатлялись искомые объекты, над которыми пролетал голубь. Причем, как пишет автор одной из статей, если его скорость известна, то можно определить через сколько минут он достигнет конкретной цели. И в этот момент происходит автоматическое фотографирование с точностью до одной секунды [7, с. 69–70].

С началом военных действий на Восточном фронте Первой мировой войны варшавские власти посредством усилий политической полиции задерживали весь репрессивно-карательный механизм, направленный на пресечение (потенциальной) противоправной деятельности держателей почтовых голубей. На примере материалов расследования по делу «Новацкого-Менде» (г. Варшава, январь – февраль 1915 г.) видно, что сотрудники варшавской сыскной полиции «в течение нескольких дней» осуществляли наружное наблюдение за местом жительства русского подданного поляка Владислава Новацкого и его сожительницы – германской подданной Эльфриды Менде [6, л. 5]. Вскоре в их доме в присутствии понятых был произведен «самый тщательный обыск», по результатам которого удалось обнаружить и изъять 10 обычных голубей или «голубей лучшей породы». Между тем проведенная экспертиза не показала наличие среди них почтовых голубей [6, л. 16, 4, 16]. Наконец, оба подозреваемых подверглись задержанию с последующим заключением в варшавский полицейский арест [6, л. 2]. Несмотря на проведенный комплекс оперативных и следственных мероприятий, свидетельств причастности Новацкого и Менде к шпионской деятельности (голуби почтовой породы, «нелегальная переписка» и др.) обнаружить так и не удалось. В. Новацкий был освобожден из-под стражи.

Помимо законопослушных подданных, были и те, кто содержал почтовых голубей, пренебрегая соответствующими запретительными нормами. В этих случаях лиц, политически неблагонадежных, или «потенциальных шпионов» задерживали и принудительно выдворяли за пределы театра военных действий. Судя по некоторым материалам жандармской переписки, эта мера была применена, например, к русским подданным полякам Дольчику, Гузеку, Мельчареку, Свиныреку и Голембиевскому (высланы в губернии Восточной Сибири) [8, л. 5–14].

Как видно, в начале Первой мировой войны инструментарий административно-правового воздействия на лиц, подозреваемых в военном шпионаже посредством использования специальных видов и пород птиц, несколько расширился и приобрел более строгую форму. Неоднозначная обстановка на Восточном фронте, а также эффективное контрразведывательное сопровождение частей русской армии требовали решительных мер. Высылке подлежали те подозреваемые, чья фактическая связь с иностранной разведкой не была доказана, но они имели прямое или косвенное отношение к владению почтовыми голубями (один из подозреваемых нашел голубя, второй передал его, третий стоял рядом при передаче и т. п.). Причем в материалах жандармских расследований по данной категории лиц фразы из разряда: «ничего предосудительного замечено не было», «по делам варшавского губернско-

го жандармского управления не проходил», «сведений в делах варшавского охранного отделения не имеется», «перепиской не добыто данных, достаточных для привлечения задержанного к уголовной ответственности» – во внимание не принимались.

Уместным будет заметить, что суровые меры воздействия к держателям почтовых голубей были нормой и для противника. Так, на территории «славянской» Галиции, оккупированной австрийцами, запрещалось запускать голубей в воздух «под страхом смертной казни» [3, с. 92].

Из вышесказанного делаем вывод, что высылка невинных и в то же время политически нелояльных лиц возымела превентивный характер и была призвана предупредить потенциальную угрозу интересам безопасности воюющего государства на одном из его передовых рубежей – в Варшавском генерал-губернаторстве. Формировавшаяся «практика опережающего и недифференцированного насилия» противоречила общепринятым принципам гуманизма и милосердия. И все же, несмотря на бесчеловечность насильственного выселения, «драконовские меры» в отношении высылаемых лиц были вполне законными. Жандармы руководствовались нормами права, действовавшими на территориях, находившихся на военном положении. В бескомпромиссных условиях вооруженного столкновения выдворение скомпрометировавших себя жителей прифронтовых территорий являлось той крайней и единственной мерой, которая могла сохранить боеспособность русской армии и ее морально-политический дух, а вместе с ними – и русскую государственность. *À la guerre comme à la guerre*².

Все остальные подозреваемые, задержанные в ходе розыска и дознания, как правило, отпускались на свободу. Речь, в частности, идет о держателях обычных голубей, принадлежность которых к непочтовой породе птиц подтверждалась соответствующим экспертным заключением сотрудников варшавской голубиной станции.

Подводя итоги, выделим главную мысль. В первой четверти XX в. (1900–1915 гг.) сбор разведанных о вероятном противнике при помощи почтовых голубей либо использование их в качестве средства транспортировки разведдонесений стали одним из эффективных способов работы и вариантов связи ведущих европейских спецслужб. Судя по имеющимся у нас косвенным данным, разведорганы германской и австрийской армий в преддверии и с началом Первой мировой войны (на Восточном фронте) не были исключением. Допускаем, что, наряду с попытками вербовки потенциальных «голубятников» в ВВО, о чем сохранились архивно-документальные упоминания, для фактического налаживания «голубиных каналов связи» имелись достаточные субъективные предпосылки (особенно после 19 июля 1914 г.). Причем мы подразумеваем не только собственно желание прифронтового населения заработать быстрые и легкие деньги в атмосфере хаоса, голода, мародерства, паники и смерти, которые становились привычным явлением на театре военных действий. Речь все-таки идет о внутреннем побуждении конкретных обывателей сделать гешефт на измене Родине. И, вопреки утверждению М. Ронге об отсутствии у него «...агентов среди жителей пограничной полосы (соприкасавшиеся с Австро-Венгрией уезды ВВО. – В. З.)» [3, с. 82], феномен предательства среди привислинского населения имел ши-

² В буквальном переводе с французского: На войне как на войне.

роко распространенный и будничность характер. Не вызывает сомнений тот исторический факт, что немалая часть русскоподданных польского, немецкого и еврейского происхождения, затаивших злобу на российское самодержавие, предпочитала сотрудничество с оккупантами на платной основе. Возможно, среди этих «внутренних врагов» были и те, кто при помощи голубиной почты однократно или периодически информировал неприятеля о текущем состоянии русской обороноспособности.

Своевременное и безошибочное прогнозирование складывающейся в ВВО оперативной ситуации позволило контрразведке и жандармским подразделениям предпринять организационно продуманные и масштабные меры контрреагирования (как в мирное время, так и в условиях начала военных действий). Ужесточенный контрразведывательный режим обеспечения безопасности приграничных, а вскоре и прифронтовых территорий ВВО – быстрые, одновременные и слаженные профессиональные действия жандармско-полицейских чиновников по ликвидации «голубиной угрозы» – исключил саму практику бесконтрольного владения голубями любой породы и использования их особой разновидности в целях немедленного информирования иностранных разведок. О значении утраченных разведывательных возможностей противника, в том числе армий вторжения, очень убедительно свидетельствует тот факт, что передача добытых сведений о намерениях русских войск за линию соприкосновения могла теперь осуществляться либо через прифронтовую агентуру, либо через нейтральные страны. И если первый способ был не всегда безопасным, то второй – растянутым во времени. Ни один из названных вариантов связи не был ни предпочтительным, ни идеальным – агента могли выявить и задержать, он мог погибнуть от шальной пули. Отправляемая же через другие страны информация, ввиду длительности этой процедуры, как правило, теряла свою актуальность.

Иными словами, варшавские власти лишили разведки стран – участниц Тройственного союза (Германия и Австро-Венгрия) быстрого и надежного канала связи в обстановке маневренной войны.

Ссылки

1. Плеханов А. А., Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи Императорской России (1893–1917): Исторический очерк. Изд. 2-е, перераб. и расшир. М.: Граница, 2003. 287 с.
2. Николаи В. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны. М.: Вече, 2018. 288 с.
3. Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М.: Правовое просвещение, 2000. 288 с.
4. Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней / Предисл.: И. И. Васильев, А. А. Зданович «Генерал Н.С. Батюшин. М.: X-history, 2002. 259 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 265. Оп. 1. Д. 1485.
6. ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 847.
7. Почтовый голубь – фотограф (Австрийской службы капитан Геза Фараго) // Военное дело за границей. 1913. № 35. С. 68–74.
8. ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1001.